

достойнымъ уваженія, еслибы онъ зарабатывалъ свой хлѣбъ въ качествѣ простаго клерка. Говорятъ, что онъ человѣкъ съ сердцемъ и характеромъ. Если это правда, онъ именно такъ и поступить.

«Искренне вамъ преданный Льюддьюгль».

Когда лордъ Персифлажъ заговорилъ объ этомъ дѣлѣ съ барономъ д'Оссе, итальянскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, баронъ вполнѣ призналъ права молодого герцога и, казалось, думалъ, что очень немногого недостаетъ для полного благополучія молодого человѣка.

— Да, — сказалъ баронъ, — у него нѣтъ обширныхъ помѣстій. Здѣсь, въ Англіи, у васъ у всѣхъ обширныя помѣстья. Очень пріятно владѣть обширными помѣстьями. Но у него есть дядя, который играетъ большую роль въ Римѣ, а у будущей жены его — дядя, который играетъ очень большую роль въ Лондонѣ. Чего-жъ ему больше?

Тутъ баронъ поклонился министру, а министръ барону.

Нигдѣ рѣшительно приключенія Родена не вызвали такого сильнаго впечатлѣнія какъ въ почтамтѣ. Тамъ титулы еще внушали нѣкоторый страхъ, а не были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, какъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Конечно, вся эта исторія попала въ газеты. Въ департаментѣ она стала извѣстна въ послѣдній день февраля, за два дня до возвращенія Роденовъ въ Лондонъ.

— Слышали, мистеръ Джирнингэмъ? — воскликнулъ Крокеръ, врываясь въ комнату въ это утро. Онъ опоздалъ только на десять минутъ, разорившись на извозчика отъ сильнаго желанія первому сообщить великую новость товарищамъ. Но его предупредилъ Гератъ.

— Герцогъ ди-Кринола! — кричалъ Гератъ въ минуту появленія Крокера, рѣшившись никому не уступать чести, принадлежавшей ему по праву.

— Да, герцогъ, — сказалъ Крокеръ. — Герцогъ! Мой лучший другъ! Гэмпстедъ уничтоженъ, уничтоженъ! Герцогъ ди-Кринола! Развѣ это не прелесть? Клянусь, не вѣрится. Вы вѣрите, мистеръ Джирнингэмъ?

— Не знаю, что и думать, — сказалъ мистеръ Джирнингэмъ. — Только онъ всегда былъ очень солидный, приличный молодой человѣкъ; мы въ немъ много потеряемъ.

— Вѣроятно герцогъ никогда къ намъ не заглянетъ, — сказалъ Боббинъ. — Мнѣ бы хотѣлось еще разъ пожать ему руку.

— Пожать ему руку, — сказалъ Крокеръ. — Я увѣренъ, что